

Когда смешанные эмоции в голове старухи Цюй немного улеглись, она наконец осознала происходящее и бросилась к Цюй И:

— Мерзкая тварь, что ты делаешь? Как смеешь забирать мои вещи? Ты жизни не дорожишь!

Разъярённая старуха Цюй была остановлена Лян Додао, который уже успел сложить вещи в повозку. Он не предпринимал против неё никаких действий, просто встал между ней и Цюй И, не давая ей приблизиться.

Зная, что Лян Додао сможет удержать старуху, Цюй И с уверенностью встал на цыпочки и посмотрел на Лян Каншэна. Многолетняя синергия позволила Лян Каншэну сразу понять его намерение.

Лян Каншэн сделал шаг в сторону, подойдя к Цюй Сыню и госпоже Мэн, и шепнул им:

— Родители, мы с И планируем отправиться в дом Мэн. А вы как?

Услышав это, Цюй Сыню с удивлением посмотрел на Лян Каншэна. Неужели он ослышался или неправильно понял? Сегодня был день их возвращения в дом невесты, а они хотят отправиться в дом Мэн?

Госпожа Мэн, в отличие от мужа, была менее подозрительна к Лян Каншэну. Она более тонко чувствовала ситуацию и с самого начала заметила, как Цюй И и Лян Каншэн обменивались взглядами и действовали слаженно. Она начала думать, что эта свадьба, возможно, не такая, как они предполагали вчера.

Поэтому госпожа Мэн, подумав, спросила:

— Ты уверен, что в день возвращения в дом невесты вы не останетесь в доме Цюй? Ты и И?

Лян Каншэн взглянул на Цюй И и кивнул:

— Да, мы оба так решили.

— Хорошо, подождите меня немного, — госпожа Мэн быстро приняла решение, в её голове уже сложился план.

Пока Лян Каншэн и другие обсуждали свои планы, Цюй Чжицай так сильно сжал кулаки, что на ладонях появились следы от ногтей. Он хотел броситься вперёд и забрать вещи из повозки, но его разум удерживал его от этого. Он дорожил своей репутацией, и такие действия могла позволить себе только его мать.

Когда Цюй Чжицай пришёл в себя, госпожа Мэн уже исчезла, и во дворе остались только Лян Каншэн и Цюй Сыню. Он прищурился, наблюдая за ними, и заметил, что между ними царит напряжённая атмосфера. Это немного успокоило его, так как он почувствовал, что ситуация всё ещё под контролем.

Но в следующее мгновение госпожа Мэн снова появилась во дворе. Она кивнула Лян Каншэну и Цюй Сыню:

— Всё готово.

— Тогда пошли, — не обращая внимания на Цюй Чжицай и других членов семьи Цюй, которые прятались за окнами, Лян Каншэн жестом предложил родителям жены выйти первыми.

В это время старуха Цюй продолжала яростно кричать, её слова становились всё более грубыми из-за гнева. Маленькие дети, пришедшие посмотреть на происходящее, быстро были уведены своими родителями.

Ни Цюй Чжицай, ни старуха Цюй не заметили, как Лян Каншэн и другие вышли из двора. Только когда они уже были на улице, Цюй Чжицай понял, что что-то не так, но было уже поздно.

Цюй И быстро позвал Цюй Сыню и госпожу Мэн сесть в повозку, а Лян Каншэн занял место на переднем сиденье. Лян Додао продолжал блокировать старуху Цюй, и через несколько мгновений повозка под управлением Лян Каншэна уже двигалась по дороге, покидая деревню.

Старуха Цюй, видя, как повозка удаляется, закричала:

— Щенок, уйди с дороги! Куда вы едете? Проклятые твари...

Цюй И высунулся из повозки и обратился к ошеломлённым членам семьи Мэн:

— Спасибо всем за помощь сегодня. Мы направляемся в большой дом Мэн. В повозке не хватит места для всех, поэтому, пожалуйста, возвращайтесь самостоятельно. Когда мы приедем, угостим всех мясом и вином.

Затем он помахал рукой старухе Цюй:

— Бабушка, тридцать лянов серебра и два ящика зерна оставлены для вас. Вам не нужно бежать за мной.

Такой «грубый» разговор Цюй И вызвал беспокойство у Цюй Сыню и госпожи Мэн, сидевших рядом с ним. Хотя Лян Каншэн был слаб здоровьем, он был образованным человеком, и, глядя на семью Цюй Чжицай, можно было понять, что такие люди ценят. Не вызовет ли такое поведение Цюй И недовольства Лян Каншэна?

Цюй И, дождавшись ответа от членов семьи Мэн, с удовлетворением сел обратно в повозку. Устроившись, он сразу же занялся распределением подарков, которые забрал:

— Мама, возьми это. Канцелярские принадлежности хорошего качества, отдай их младшему брату или дяде. А ткани распредели, как считаешь нужным: бабушке, тёте, старшей невестке и другим...

— И, — госпожа Мэн положила руку на ладонь Цюй И, прерывая его. — Она молча покачала головой.

Госпожа Мэн не разбиралась в качестве канцелярских принадлежностей, но ткани она знала хорошо. Большая часть подарков была из шёлка, с небольшим количеством узорчатого парчового и тонкого шёлка. Их семья не могла позволить себе такие материалы, и даже если бы она сшила из них одежду, она быстро бы изнасилась, что было бы очень жаль.

Кроме того, госпожа Мэн беспокоилась, что эти вещи были слишком ценными, и Цюй И, не посоветовавшись с Лян Каншэном, принимал решения самостоятельно. Не вызовет ли это недовольства семьи Лян?

— Мама, это наши подарки, и Лян Каншэн согласен, — видя беспокойство родителей, Цюй И объяснил. — Скажу прямо, я оставил эти серебро и зерно, чтобы избежать лишних проблем.

Иначе бы я забрал всё, не позволив им воспользоваться моим приданым.

Цюй И женился в семье Лян до того, как у них начались проблемы. В первые годы он управлял суммами, значительно превышающими тридцать лянов, поэтому сейчас эта сумма не казалась ему слишком большой. Кроме того, он уже забрал самое ценное из подарков, а оставленное серебро должно было замолчать сплетни.

Слова Цюй И не убедили его родителей, и в повозке наступила короткая пауза.

Лян Каншэн, сидевший на переднем сиденье, слышал их разговор. Подумав, он добавил:

— Родители, раз подарки уже преподнесены, их нельзя забрать обратно. Вы воспитали И таким замечательным человеком, и мои родители, и я очень благодарны вам. Канцелярские принадлежности и ткани — это мелочи, не стоит переживать, просто возьмите их.

После слов Лян Каншэна Цюй И снова заговорил:

— Мама.

Госпожа Мэн, поймав взгляд Цюй И, посмотрела на Цюй Сыню. Решение не оставаться в доме Цюй в день возвращения в дом невесты, а отправиться в дом Мэн, было её инициативой, так как она была крайне возмущена поведением старухи Цюй. Но брать ли вещи семьи Лян, она не могла решить сама, это должен был сделать Цюй Сыню.

Цюй Сыню молчал. В его душе кипел гнев — и на семью Цюй, и на семью Лян.

Цюй И был их первенцем, и даже после рождения Цюй Цзяна их любовь и забота к нему не уменьшились.

Но из-за его «невнимательности» Цюй И был так поспешно выдан замуж, и он не мог смириться с этим.

Вспоминая слова Лян Каншэна, Цюй Сыню разозлился ещё больше и с намёком сказал:

— И, ты был нашим любимым ребёнком, которого мы растили с заботой. Не позволяй себя обмануть мелкими подарками и не следуешь слепо за кем-то.

Цюй И, чувствуя гнев в голосе отца, не решился ответить. В прошлой жизни его отец тоже был очень недоволен Лян Каншэном. Несмотря на то, что в этот раз ничего плохого не произошло, отец всё равно не принял зятя. Этот гнев Лян Каншэну придётся терпеть, так как любая попытка защитить его только разожгла бы ситуацию.

Лян Каншэн тихо усмехнулся. Он понял, что вызвал недовольство тестя. Сегодня он не сделал ничего плохого, но, вероятно, причина была в исцеляющей свадьбе.

Действительно, если бы у него самого был сын или дочь, и их бы поспешно выдали замуж без его ведома, он бы тоже был крайне недоволен, и даже мог бы устроить скандал.

В такой момент Лян Каншэн не решился возразить. Он только поспешил выразить свои чувства:

— Отец, мои чувства к И искренни, как небо и земля. Я буду заботиться о нём всю жизнь.

Однако слова Лян Каншэна не смягчили выражение лица Цюй Сыню. Все эти слова о небе и

земле только запутали его. Учёные всегда говорили так витиевато, что было сложно понять их смысл.

Честно говоря, Лян Каншэн совсем не соответствовал представлениям Цюй Сыню о зяте.

Во-первых, и семья Цюй, и семья Мэн были простыми крестьянами, разве что в семье Мэн были ремесленники. Никто в их семье не умел читать, и Цюй Сыню никогда не думал, что его сын женится на учёном.

<http://bllate.org/book/16698/1533378>